
Массовое сознание в философской традиции и в современных интерпретациях*

© 2020 г. Т.С. Злотникова

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, 150000, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: cij_yar@mail.ru

Поступила 11.12.2019

В статье обсуждается актуальность изучения традиции философского понимания массового сознания, включающей определенные ключевые понятия и идеи, которые часто воспринимаются вне интегративных проявлений и вне реальной значимости. Обозначена философская и примыкающая к ней психологическая традиция (Ф. Ницше, Г. Лебон, З. Фрейд), позволяющая обобщить представления о признаках массового сознания: тяготение к стабильности, потребность в простоте, возможность осуществления прагматически детерминированных действий, готовность принимать негативные жизненные импульсы, импульсивность, категоричность, консервативность, физиологизм и прагматичность. Актуально значимую и укорененную в междисциплинарной традиции методологию изучения массового сознания автор видит не только в социологии (Б. Грушин, Ж. Тоценко); подчеркивая философскую доминанту интерпретации массового сознания, сопоставляя проявления акторов и массы, предлагаем обратиться к принципам синергетики, позволяющей смотреть на культуру без оценочной однозначности, с учетом многих противоречивых и кажущихся хаотичными практик (И. Пригожин, М. Каган, В. Аршинов, В. Буданов, Б. Пружинин, А. Огурцов, С. Курдюмов). Подчеркивается методологическая значимость специального внимания к архетипу как прежде всего философскому концепту (К.-Г. Юнг, С. Аверинцев, Э. Кассирер); обобщается философская традиция формирования триады: массовое сознание – массовая культура – игра, где игра выступает как инвариант парадоксально присутствующей в массовом сознании свободы (Х. Ортега-и-Гассет, П. Гуревич, Й. Хейзинга, Э. Берн, Ю. Лотман). Делается вывод: отказ от прямолинейности оценок – это продуктивная перспектива изучения философской традиции и современных интерпретаций массового сознания, являющегося интегральным феноменом.

Ключевые слова: массовое сознание, философская традиция, современные интерпретации, признаки, методология, синергетика, психоанализ, архетип, игра, массовая культура, интегральность.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-46-56

Цитирование: Злотникова Т.С. Массовое сознание в философской традиции и в современных интерпретациях // Вопросы философии. 2020. №. 10. С. 46–56.

---

* Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность», грант № 20–68–46013.

Mass Consciousness in Philosophical Tradition and in Modern Interpretations*

© 2020 Tatiana S. Zlotnikova

*K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,
108/1, Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation.*

E-mail: cij_yar@mail.ru

Received 11.12.2019

The article discusses the relevance of studying the tradition of philosophical understanding of mass consciousness, which includes certain key concepts and ideas often perceived outside of integrative manifestations and real significance. The author designates philosophical and psychological tradition adjoining it (F. Nietzsche, G. Lebon, Z. Freud), which allows to generalize the ideas about the signs of mass consciousness: the attraction to stability, the need for simplicity, the ability to implement pragmatically determined actions, the willingness to accept negative life impulses, impulsiveness, categoricity, conservatism, physiologism and pragmatism. The author sees the methodology of studying mass consciousness as relevant and rooted in the interdisciplinary tradition not only in sociology (B. Grushin, J. Toshchenko); emphasizing the philosophical dominant of the interpretation of mass consciousness, comparing the manifestations of actors and the mass, we suggest turning to the principles of synergetics, which allows us to look at culture without evaluating unambiguity, taking into account many contradictory and seemingly chaotic practices (I. Prigozhin, M. Kagan, V. Arshinov, V. Budanov, B. Pruzhinin, A. Ogurtsov, S. Kurdyumov). The article emphasizes the methodological significance of special attention to the archetype as a primarily philosophical concept (K.-G. Jung, S. Averintsev, E. Kassirer) and generalizes the philosophical tradition of forming the triad: mass consciousness – mass culture – game, where the game acts as an invariant of the paradoxically present freedom in the mass consciousness (H. Ortega y Gasset, P. Gurevich, Y. Huizinga, E. Byrne, Yu. Lotman). The conclusion is made: the rejection of straightforwardness of assessments is a productive perspective for studying the philosophical tradition and modern interpretations of mass consciousness, which is an integral phenomenon.

Keywords: mass consciousness, philosophical tradition, modern interpretations, signs, methodology, synergetics, psychoanalysis, archetype, game, mass culture, integrality.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-46-56

Citation: Zlotnikova, Tatiana S. (2020) “Mass Consciousness in Philosophical Tradition and in Modern Interpretations”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 46–56.

---

* The work is carried out as a part of the project of the Russian Science Foundation (RSF) “Philosophical and anthropological analysis of Soviet life. Background, dynamics, impact on the present”, grant No. 20–68–46013.

Введение в тему

Массовое сознание – явление, несущее в себе, по убеждению исследователей и «обычных» людей, достаточно выраженный негативный потенциал. Однако механизм функционирования массового сознания сложился уже вполне определенно, он работает, он составляет базу житейских и художественных акций миллионов людей, и не учитывать его наличие и его качества уже невозможно.

У классиков философской мысли массовое сознание практически никогда не было предметом специального внимания или это внимание не артикулировалось. Однако сам факт этого внимания, стремление постичь особенности и динамику этих проявлений – несомненен. Отсюда следует насущная необходимость и острая актуальность изучения той традиции философского понимания массового сознания, которая, несомненно, сложилась и имеет, с нашей точки зрения, вполне определенные ключевые понятия и идеи.

Философская и примыкающая к ней психологическая традиция дают возможность обобщить представления о *признаках массового сознания*, как их видели авторы первых исследований.

Принято считать, что проблематика массового сознания начинает более или менее определенно обсуждаться у Ф. Ницше, который, тем не менее, названным понятием не пользовался. У него мы встречаем метафорическое словосочетание «связанные умы», но это позволяет составить представление о массовом сознании как о совокупности схожих и при этом клишированных миропониманий. Понятно, что суждения Ф. Ницше, как и суждения З. Фрейда, были подготовлены идеями Г. Лебона о «психологии масс». Мы помним, что Лебон не только соединил в своих текстах представления о массе («толпа») и личности («сознательная личность»), но и начал обозначать опасные признаки массы («импульсивность») и признаки отсутствующие («нравственность»). Именно Лебон первым обратил внимание на такой процесс, как «исчезновение сознательной личности», обозначив «работу» массового сознания как странное порождение простых и ясных образов, воздействующих на воображение, если человек оказывается в толпе [Лебон 1998, 11].

Ф. Ницше первым систематизировал такие *признаки массового сознания*, которые носят универсальный характер и могут быть обозначены следующим образом: тяготение к стабильности, покою и определенности («все вещи, имеющие устойчивость, правомерны»); потребность в простоте, доступности как получения чего бы то ни было, так и самих воспринимаемых либо получаемых предметов или сведений («все вещи необременительные правомерны»); возможность осуществления прагматически детерминированных действий или получения прагматических результатов как прямой альтернативы высоким индивидуальным устремлениям отдельного человека, который для массового сознания оказывается маргиналом («все вещи, приносящие пользу, правомерны»); и самый странный и неожиданный признак массового сознания, который можно увидеть в болезненном стремлении или готовности людей принимать негативные жизненные импульсы, объединяющие многих участников жизненных событий и потому принимаемые как данность, без протестов и отрицания («все вещи, которым мы принесли жертву, правомерны» [Ницше 1997, 168].

Впрочем, философская интерпретация массового сознания у Ф. Ницше носила достаточно нейтральный характер. Возможно, с движением времени, под влиянием событий и проявлений человеческого сообщества, которое вело себя все более и более жестоко, З. Фрейд увидел в массовом сознании почти исключительно негативные качества, начиная с агрессивности.

В трактовке Фрейда, любая нерефлексирующая масса, будь то первобытное стадо (в это понятие у Фрейда трансформировалось принятое у Г. Лебона понятие «толпа») или древняя орда, «производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности» [Фрейд 1991, 85]. По версии Фрейда, «масса импульсивна, изменчива и возбуждима» [Там же, 78], поэтому ее действия аффективны,

а неконтролируемые импульсы препятствуют проявлению инстинкта самосохранения. Следствием импульсивности становится такой опасный комплекс признаков массового сознания, как легковерие и податливость по отношению к внешним влияниям, некритичность мировосприятия, поскольку, ко всему прочему, чувства массы, в отличие от психических проявлений отдельного человека, «просты и весьма гиперболжны» [Фрейд 1991, 78–79]. С точки зрения Фрейда, едва ли не катастрофические последствия могут повлечь за собой такие свойства массового сознания, как категоричность [Там же, 79] и консервативность, вызывающие «отвращение ко всем новшествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией» [Там же, 80]. Отсюда следует признание такого универсального признака массового сознания, как деиндивидуализация, ибо в массе «стираются индивидуальные достижения отдельных людей и, тем самым, исчезает их своеобразие» [Там же, 75].

Сегодня, имея ретроспективу философской традиции понимания массового сознания прежде всего основоположниками этой традиции в западной науке XIX и начала XX вв., можно поражаться прозорливости Г. Лебона, который первым противопоставил массу/толпу и «сильную индивидуальность», способную той противостоять. С учетом многочисленных, в том числе трагических по своим последствиям коллизий противостояния индивидуального и массового сознания, сегодня естественным видится горький вывод ученого о том, что по-своему уникальные люди «слишком малочисленны, и потому не в состоянии бороться с течением» [Лебон 1998, 16].

Методология изучения массового сознания: актуальные подходы

Изучение столь многогранного и изменчивого бытийного феномена, каким является массовое сознание, не только предполагает, но и требует осуществления междисциплинарного дискурса. Вопрос заключается в том, каковы возможности и векторы междисциплинарности в изучении массового сознания, каковы те научные дисциплины, обращение к которым продуктивно, а подчас и беспрецедентно.

Уже традиционным может считаться обращение к опыту *социологии* [Грушин 1987; Горшков 2005; Вебер 2015], которая рассматривает массовое сознание прежде всего как функционально значимую детерминанту либо как отражение внешних социальных процессов. Специально мы выделяем из круга социологических исследований парадоксальную идею Ж. Тощенко, который предложил рассматривать ряд жизненных коллизий, явлений, проблем в их бинарности, не конфликтной, но и откровенно негомогенной, назвав это «кентавр-проблемой» [Тощенко 2011, 9]. Идея Ж. Тощенко позволяет подчеркнуть в массовом сознании не воплощение «мирового зла», что весьма часто бывает в идеологически односторонних суждениях, но и не просто собрание удобных и приятных массе/толпе прагматических, гедонистических интенций.

Подчеркивая философскую доминанту в традиции интерпретации массового сознания, обратим внимание на то, насколько расширяется, становясь при этом тонким и парадоксальным, научный аппарат изучения миропонимания человека. В связи с этим полагаем необходимым экстраполировать в сферу изучения массового сознания важнейший в современной науке методологический пласт, представленный *синергетикой*.

Как показывает наш опыт изучения методологии подходов к массовому сознанию, упомянутая нами экстраполяция еще не производилась, хотя массовое сознание, безусловно нуждается в обращении к синергетическим представлениям о невозможности рассматривать хаос как банальное воплощение всеобщего негатива. Кажущаяся свобода выбора траектории своего бытия и понимания мира большими группами людей – носителей массового сознания, мнимая «легкость бытия», являющиеся привлекательными и провокативно воздействующими на человека проявлениями массового сознания, – это прямое воплощение его (массового сознания) «хаотичности». Изучая проявления акторов и массы, мы можем обратиться к открытиям синергетики, позволяющей смотреть на культуру без оценочной однозначности, с учетом кажущихся хаотичными практик. Именно такую возможность дает суждение И. Пригожина:

«Современные науки, изучающие сложность мира, опровергают детерминизм: они настаивают на том, что природа созидательна на всех уровнях ее организации» [Курдюмов, Князева 2002, 16–17].

Отсюда может следовать вывод о том, что методологическая диалогичность, заложенная в синергетических идеях, существенна для осмысления имплицитно присущей массовому сознанию диалогичности (и даже полилогичности). Вот почему нам представляется важной мысль исследователей, которые видят в диалоге источник «структурной стыковки, структурного сопряжения», подчеркивают конвенциональность и междисциплинарность «инструментализма синергетики» [Аршинов, Буданов 2002, 75]. Считаем важным подчеркнуть обращение к синергетике как парадигме, изначально сориентированной на многообразие подходов и научных векторов интеллектуальной работы, как это сделал применительно к эстетическим исследованиям М.С. Каган, оценивший в синергетике «противопоставление господствовавшему до этого представлению о линейной структуре» и «утверждение ее нелинейного характера» [Каган 2002, 47].

При определении методологических подходов к изучению массового сознания, когда синергетическая парадигма артикулируется и применяется философами, а не коучерами, «промышляющими» в сфере бытования массового сознания и воздействия на него, подчеркнем то особое внимание, которое начинает уделяться пограничному (психологическому, социологическому, в некоторых случаях эстетическому) феномену – коммуникации. Сошлемся в этой связи на А.П. Огурцова, обращавшего внимание на «коммуникативный подход к смыслополаганию и смыслопостижению, причем смысл трактуется как объективная локализация диспозиций различных акторов (говорящего и слушающего, автора и зрителя и т.д.)» [Огурцов 2015, 94]; на В.Г. Буданова, отмечавшего всепроникающую коммуникацию, посредством которой происходит «внедрение междисциплинарной методологии, трансдисциплинарных норм и ценностей, инноваций, INTERNET, моды и слухов, самоорганизующихся научных сообществ» [Буданов 2015, 155]. Отметим и то, что Б.И. Пружинин определяет смысл синергетического методологического подхода к феноменам бытия и деятельности человека в его первостепенной значимости: «Сегодня в междисциплинарных исследованиях на передний план выходят коммуникативные аспекты взаимодействия различных дисциплин – от личного общения ученых до междисциплинарных и над-дисциплинарных контактов» [Пружинин 2015, 252]. Следовательно, скрытые коммуникативные интеракции, характеризующие массовое сознание, должны учитываться не как случайные (то есть, хаотичные), а как содержательно значимые.

Таким образом, вопреки общеизвестному отношению к массовому сознанию как к хаосу мы благодаря синергетической методологии обнаруживаем в интенциях массового сознания вполне определенный, хотя и неочевидный на первый взгляд, порядок. И потому, развивая мысль об экстраполяции синергетической методологии на изучение массового сознания, подчеркиваем значимость этого подхода, который позволит далее не идентифицировать естественный для явных проявлений массового сознания хаос как энтропию.

О значении обращения к концепту энтропии в связи с пониманием массового сознания скажем специально. Прежде всего сошлемся на одного из основоположников синергетики, И. Пригожина, обращавшего внимание на термин «нестабильность», который, как сожалел ученый, «используется порой с едва скрываемым негативным оттенком» [Пригожин 1991]. Сошлемся также на отечественных ученых, достаточно давно отметивших проблему психоэмоционального существования людей, становящихся, как мы понимаем, субъектами массового сознания: «Чтобы эффективно действовать в сложном и нестабильном мире, необходимо принимать во внимание контекст – ближайший и достаточно широкий – изучаемых явлений и событий, т.е. уметь контекстуализировать свои знания» [Аршинов, Буданов 2002, 117].

Особо отметим своего рода прозрение М.С. Кагана, связанное с лишь незадолго до того появившимися в России синергетическими трудами: «С.П. Курдюмов в одном из своих выступлений предложил говорить о “полифуркации”, имея в виду, что

в наиболее сложных системах выход из состояния хаоса происходит не раздвоением путей движения, а выявлением гораздо большего, в принципе неопределенного, их числа» [Каган 2002, 47]. Именно из таких интегративных интеллектуальных операций, как приведенный заочный диалог Кагана с Курдюмовым, вытекает формирующееся сегодня убеждение в возможности и продуктивности применения синергетической методологии к изучению механизмов действия и самой сущности массового сознания.

Подытоживая предположения о возможности и необходимости экстраполяции синергетической методологии на сферу изучения массового сознания, напомним, что в хаосе принято видеть возможность понимания явлений любого, не только природного или экономического, политического или психологического, но и культурного плана. И тогда, в синергетической парадигме, хаос амбивалентен и не несет опасности для мироздания или социума, играя «конструктивную роль не только в процессах выбора пути эволюции, но и в процессах построения сложного эволюционного целого. Фигурально выражаясь, хаос выступает в качестве “клея”, который связывает части в единое целое» [Курдюмов, Князева 2002, 120].

Архетип – важнейший семантический код массового сознания

Как уже говорилось выше, массовое сознание стремится к унификации личности, схематизируя локальные (и простейшие) элементы этой личности. Поэтому мы полагаем не просто оправданным, но и необходимым при обсуждении проблематики массового сознания уделить специальное внимание *архетипу* как интегральному, прежде всего философскому, концепту.

С нашей точки зрения, существенным в философской традиции понимания массового сознания является достаточно странная, подчас наивная трансформация введенного в научный обиход К.-Г. Юнгом концепта: сам факт его бытования и интерпретация весьма важны для понимания проблемы массового сознания, но множество версий и вариаций, как это ни покажется странным, является именно следствием работы массового сознания.

Не будем останавливаться специально на мысли отечественных исследователей (в частности, С. Аверинцева, Е. Мелетинского) об античных истоках появления слова «архетип» и на известнейших высказываниях самого Юнга об архетипе как «в определенной степени обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений» [Юнг 1996, 57]. Напомним, тем не менее, о значении существования архетипа для работы массового сознания как деперсонализирующего начала, поскольку связь с архетипом, по мысли Юнга, «освобождает в нас голос более могучий, чем наш собственный» [Там же, 59]. Обратим внимание и на непроявленную связь юнгианских представлений об архетипе с идеями Г. Лебона и его последователей: «Архетипы представляют собой системы установок, являющихся одновременно и образами, и эмоциями» [Там же, 136].

Полагаем важным обратить внимание на то, что сама идея соотнесения массового сознания как синергетического феномена с достаточно конкретным, хотя и весьма значимым концептом архетипа, не имеет определенной традиции философского осмысления. В этом случае особенно важно подчеркнуть принцип экстраполяции и теоретически обоснованной ассоциации названных понятий.

Чаще всего у исследователей выражается интерес к целостной картине мира, к его структурно-семантическим характеристикам или существенным элементам. Отсюда можно установить не просто аналогии формулируемых понятий с понятием архетипа, но и связь этих локальных понятий с более общим – массовым сознанием.

Так, например, Э. Кассирер уделяет внимание понятию связи, которая устанавливается в пространстве как «опосредованный результат опытного мышления» (что можно сравнить с юнгианским «архетипом»), причем «общая связь» проявляется, «если исходить из созерцательной прайформы нашего мира восприятия» (что сравнимо с понятием массового сознания) [Кассирер 2001, 44].

Следует отметить, что многие исследовательские акции выдающихся ученых основывались на понятиях или представлениях, родственных, подчас аналогичных архетипу или массовому сознанию, но не демонстрировали опыта работы непосредственно с этими категориями. Так же как Э. Кассирер, К. Леви-Стросс употребляет такие аналогичные «массовому сознанию» понятия, как «родовая и вневременная модель психологических установок», «вечувственные нормы». У него же появляется термин «модель», который в некотором контексте можно соотнести с «архетипом», поскольку модель определяет поведение человека в ситуации его непреходящей соотнесенности с «коллективным бессознательным». К. Леви-Стросс упоминает «родовую и вневременную модель психологических установок, подразумеваемых повторяющимися феноменами или институтами» [Леви-Стросс 1994, 84]. Вне прямой, артикулированной связи с идеями Юнга или Фрейда рассуждает и Л. Леви-Брюль, говорящий о «коллективных представлениях» в контексте таких понятий, как «идеи или образы объектов», «коллективные представления». Несмотря на то что ученый касается только проблем первобытности, к которой не принято применять понятие массового сознания, он называет именно те признаки, наличия которых касались упомянутые ученые: для него существенны «пламенное желание и острая потребность слиться воедино с “общим началом”» [Леви-Брюль 1994, 27–29].

В отечественной философской традиции проблематика архетипа также не может рассматриваться в ее специфическом, изолированном значении или в непосредственной связи с проблемой массового сознания. Так, несмотря на буквальное употребление юнгианского понятия, Е. Мелетинский рассматривал архетип в контексте бытийных феноменов, с которыми соотносил матрицы каких-либо сложившихся представлений (причем он говорил о культурном герое, но не соотносил его с архетипом) [Мелетинский 1994].

Соотнося традицию изучения архетипа в контексте массового сознания с истоками формирования представлений о массовом сознании, которые мы обнаружили в социальной психологии (Г. Лебон), философии (Ф. Ницше) и психоанализе (З. Фрейд), мы полагаем необходимым отметить возможные подходы к проблеме у Э. Берна, который не употребляет интересующие нас понятия, используя «сценарий» и «предписание»; причем в понятие сценария укладывается схема обобщенной человеческой личности, в том числе «образец», а в понятие предписания – те самые повелительные интенции массового сознания, о которых говорили предшественники ученого. К названным понятиям у Берна добавляются целостные системы идей и чувств, жизненный план, употребляется и вполне современный глагол «программировать» [Берн 1992, 163].

Философская традиция формирования триады: массовое сознание – массовая культура – игра

Разумеется, мы не считаем нужным давать концептуальную характеристику *массовой культуры* или разворачивать анализ ее отдельных проявлений, чему уже были посвящены наши многочисленные работы [Злотникова (ред.) 2016; Злотникова (ред.) 2018]. Обратим лишь внимание на интегральный характер массового сознания, которое имеет корреляцию с отдельными философски осмысленными концептами, характеризующими бытие в его широком смысле. Однако взаимная корреляция массового сознания и массовой культуры не только значима и признаваема многими исследователями, но подчас не отрефлексирована в качестве самостоятельной философской проблемы. Вот почему мы полагаем полезным сослаться на те развернутые или локально представленные суждения, которые не просто учитывают, но определенно обозначают названную взаимную корреляцию.

У истоков представлений о характерной черте как массового сознания, так и массовой культуры стоит Г. Лебон: мы имеем в виду *физиологизм*, основанный на пристрастии «толпы» к восприятию простых, едва ли не осязаемых образов и к отказу

от интеллектуальной (аналитической) работы [Лебон 1998, 40]. Несмотря на широко востребованный в современной массовой культуре опыт буквальная демонстрация физиологических проявлений и акций людей и других живых существ, фантастических конструктов, мы обращаем внимание на тенденцию в ее более обобщенном понимании. Физиологизм характеризует проявления негативных психоэмоциональных состояний, начиная со страха, на что обращал внимание С. Московичи, говоря о стремлении индивида «слиться с массой» [Московичи 1998, 474], и характерное для массовой культуры явление «антиинтеллектуализма» (выражение Р. Барта). Р. Барт иронически сравнивает здравый смысл как прямое воплощение физиологизма с «особым органом восприятия», присущим мелким буржуа [Барт 1996, 129]. Физиологизм становится основанием для конструирования мира, лишённого вариативности.

К физиологизму и по своему значению, и по своему генезису, с нашей точки зрения, примыкает *прагматизм*, который нашел особенно отчетливое отражение в суждениях не только философов (Х. Ортега-и-Гассет подчеркивал «безудержный рост жизненных вожелений», присущих массе [Ортега-и-Гассет 1998, 225]), но и, особенно, американских социальных психологов, в частности Э. Аронсона, который, вслед за Л. Фестингером и А. Маслоу, отмечал парадокс: «внутренняя привлекательность» вознаграждения снижается, если оно предлагается за заведомо приятную или полезную работу [Аронсон 1998]. Простодушно-циничный прагматизм массовой культуры был предметом иронических размышлений и самих творцов, пытавшихся, как это было у Б. Брехта, противиться системным тенденциям массовой культуры и сравнивавших работу субъекта массового сознания с работой человека, способного обманом добиваться успеха, например «выдать селедку за щуку» [Брехт 1965, 94].

Наконец, полагаем значительным и существенным то, что П. Гуревич относил к понятию массового общества, систематизируя признаки массовой культуры как функционально детерминированного феномена массового сознания. Речь шла о таких характерных для массового общества чертах, как *инфантилизм*, доходящий до возвращения людей массы на оральную стадию развития, и *деструкция личности*, приводящая к изживанию «подлинности чувств и переживаний» [Гуревич 1994, 283].

Место *игры* в системе элементов массового сознания и ее значение в семантическом поле массового сознания связано не только с прямыми и непосредственными проявлениями игровой деятельности, но и с парадоксальными проявлениями. Восприятие смысла игры и ее предназначения как смыслообразующего фактора работы массового сознания представляется недооцененным именно в философской традиции. Наиболее продуктивными представляются философско-психологическая и философско-антропологическая парадигмы подходов к игре как фактору работы массового сознания.

Кратко обозначим соотношение «*массовое сознание – игра*» в философской и примыкающих к ней культурно-антропологической и социально-психологической парадигмах.

Казалось бы, междисциплинарное понимание игры, учитывающее, прежде всего, историко-культурный подход («Игра есть борьба за что-нибудь или же представление чего-нибудь» [Хейзинга 1992, 24]), прямо и буквально относит игру к феноменам массового сознания, тяготеющего к яркости, простоте и определенности выражения жизненных представлений. Несомненное значение для понимания массового сознания имеет психологическая позиция («Игрой мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным предсказуемым исходом» [Берн 1992, 37]). Продолжая мысль о действенном характере бытия, к которому стремятся субъекты массового сознания, следует подчеркнуть семиотическую позицию в представлениях об игре как структуре, а не только деятельности («игра – особого типа модель действительности» [Лотман 1998, 586]).

В связи со спецификой массового сознания мы полагаем одним из важнейших аспектов его понимания представление об игре как об инварианте свободы, причем и в позитивных, и в негативных ее проявлениях. Наиболее опасным в своей потенциальной агрессивности (которая неотъемлемо присуща массовому сознанию) можно считать то качество игры, о котором говорил Ф. Ницше, считавший, что необязательно, как это

было в античной традиции, в самой жизни видеть игру, достаточно ощутить буйство раскрепощения и испытать радость рабов на празднествах сатурналий, поскольку человек изобретает игру как средство от скуки [Ницше 1997, 301]. В то же время игра позитивна и конструктивна в своем воздействии на массовое сознание, поскольку соприродна ему, ибо в игре, как полагает Й. Хейзинга, происходит освобождение от обычных «нужд и пользы» и от самой житейской мудрости [Хейзинга 1992, 180].

Казалось бы, свобода и регламентация несовместимы, но в семиотическом сегменте теории игр имеются доказательства того, что игровая модель имеет определенные правила, если же действия строятся за рамками этих конкретных правил, то «все ограничения» снимаются [Лотман 1998, 393]. Следовательно, свободой является не игра без правил, но игра по правилам – особым, локальным и определенным.

Для массового сознания существенным является и то, что игре присущи многообразные комбинации вкупе со свободой комбинирования, и это превращают игру в «особое воспроизведение соединения закономерных и случайных процессов» [Там же, 391]. В связи с проблематикой игры как свободы существенна мысль о взаимной корреляции свободы и случайности, которая выражает, по А. Шопенгауэру, «способность и влечение ко все новым комбинациям» явлений внутреннего и внешнего мира [Шопенгауэр 1990, 204].

Наконец, обратим внимание на явно недооцененное понимание игры как важной для массового сознания сферы конформности и психологической гармонии, если речь идет о спортивной игре. Значимость присутствия последней в массовом сознании была предметом специального анализа у Й. Хейзинги, но мы полагаем важным согласиться с мнением современного отечественного исследователя о значении спорта, с точки зрения массового сознания, в силу «публично явленного успеха» [Быховская 2010, 620]. В философской традиции связь спорта с массовым сознанием и детерминация последнего первым не выглядит экзотично, о чем свидетельствует суждение К. Ясперса. Он придавал значение упомянутой выше конформности и подчеркивал компенсаторный характер воздействия спорта на массовое сознание («То, что недоступно массе, чего она не хочет для самой себя, но чем она восхищается как героизмом, которого она, собственно говоря, требует от себя, показывают смелые свершения других») [Ясперс 2013, 98].

Таким образом, систематизировав представления о философской традиции и актуальных смыслах понимания массового сознания, мы приходим к выводу о значимости междисциплинарной методологии с опорой на синергетические подходы. Мы настаиваем на отказе от интерпретации массового сознания как хаоса в его негативном понимании и подчеркиваем необходимость внимания к модусу свободы и игры. Мы подчеркиваем значимость для понимания бытия в ситуации медиализации культурного континуума бинарных соотношений простоты и агрессивности, тяги к физиологизму и прагматичности, деиндивидуализации и потребности человека в архетипической матрице. Мы полагаем, что отказ от прямолинейности оценок – это продуктивная перспектива изучения массового сознания, являющегося интегральным феноменом.

Источники – Primary Sources

Барт 1996 – *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во Сабашниковых, 1996 (Barthes, Roland, *Mythologies*, Russian Translation).

Берн 1992 – *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. СПб.: Лениздат, 1992 (Berne, Eric, *Games People Play: the Psychology of Human Relations*, Russian Translation).

Брехт 1965 – *Брехт Б.* Легенда о Хорсте Весселе // *Брехт Б.* Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. В 5 т. Т. 5/1. М.: Искусство, 1965 (Brecht, Bertolt, *Legende von Horst Wessel*, Russian Translation).

Грушин 1987 – *Грушин Б.А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987 (Grushin, Boris A., *Mass Consciousness: the Experience of Definition and Research Problems*, in Russian).

Гуревич 1994 – Гуревич П.С. Философия культуры. М.: Аспект Пресс, 1994 (Gurevich, Pavel S., *Philosophy of Culture*, in Russian).

Каган 2002 – Каган М.С. Диалектика общего и особенного в методологии познания // Синергетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002 (Kagan, Moisey S., *Dialectics of the General and Special in the Methodology of Cognition*, in Russian).

Кассирер 2001 – Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001 (Cassirer, Ernst, *Philosophie der symbolischen Formen*, Band 2. *Das mythische Denken*, Russian Translation).

Лебон 1998 – Лебон Г. Психология масс // Психология масс. Хрестоматия / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998 (Le Bon, Gustave, *Psychologie des Foules*, Russian Translation).

Леви-Брюль 1994 – Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994 (Lévy-Bruhl, Lucien, *Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive*, Russian Translation).

Леви-Строс 1994 – Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994 (Lévi-Strauss, Claude, *Pensée primitive*, Russian Translation Book).

Лотман 1998 – Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998 (Lotman, Yuri M., *About Art*, in Russian).

Мелетинский 1994 – Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994 (Meletin-sky, Eleazar M., *About literary archetypes*, in Russian).

Московичи 1998 – Московичи С. Наука о массах // Психология масс. Хрестоматия / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998 (Moscovici, Serge, *Science des masses*, Russian Translation).

Ницше 1997 – Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Веселая наука. Злая мудрость: афоризмы и изречения. Мн.: Попурри, 1997 (Nietzsche, Friedrich, *Menschliches, Allzumenschliches, Die fröhliche Wissenschaft*, Russian Translation).

Ортега-и-Гассет 1998 – Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998 (Ortega y Gasset, José, *La rebelión de las masas*, Russian Translation).

Пригожин 1991 – Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57 (Prigogine, Иуа, *Philosophy of Instability*, Russian Translation).

Фрейд 1991 – Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. В 2 кн. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1 (Freud, Sigmund, *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, Russian Translation).

Хейзинга 1992 – Хейзинга Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992 (Huizinga, Johan, *Homo ludens. In de Schaduwen van Morgen*, Russian Translation).

Шопенгауэр 1990 – Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. СПб.: Советский писатель, 1990 (Schopenhauer, Arthur, *Die Aphorismen zur Lebensweisheit*, Russian Translation).

Юнг 1996 – Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1996 (Jung, Carl Gustav, *Seelenprobleme unserer Zeit*, Russian Translation Book).

Ясперс 2013 – Ясперс К. Духовная ситуация времени. М.: АСТ, 2013 (Jaspers, Karl Theodor, *Die geistige Situation der Zeit*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Аронсон 1998 – Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию. М.: Аспект пресс, 1998.

Аршинов, Буданов 2002 – Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

Буданов 2015 – Буданов В.Г. Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики: познание, коммуникация, самоорганизация в антропосфере // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015.

Быховская 2010 – Быховская И.М. Спорт в современном мире: социокультурный анализ и социальная практика // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований. М.: Смысл, 2010.

Вебер 2015 – Вебер А.Б. Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России // Вестник института социологии. 2015. № 1 (12). С. 60–78.

Горшков 2005 – Горшков М.К. Динамика массового сознания в контексте социальной трансформации // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3 (75). С. 16–25.

Злотникова (ред.) 2018 – Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс: коллективная монография / Под науч. ред. Т.С. Злотниковой. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2018.

Злотникова (ред.) 2016 – Массовая культура: российский дискурс (методология изучения, актуальные практики): коллективная монография / Под науч. ред. Т.С. Злотниковой. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2016.

Курдюмов Князева 2002 – *Курдюмов С.П., Князева Е.Н.* Синергетика как методологическая основа футурологии // Синергетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

Огурцов 2015 – *Огурцов А.П.* Коммуникативный подход к феноменам смысла // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015.

Пружинин 2015 – *Пружинин Б.И.* Трансдисциплинарность в контексте дихотомии прикладного и фундаментального в науке // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015.

Тощенко 2011 – *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М.: Хронограф, 2011

References

Aronson, Elliot (1998) *The Social Animal: an Introduction to Social Psychology*, Aspect press, Moscow (Russian Translation).

Arshinov, Vladimir I., Budanov, Vladimir G. (2002) “Cognitive Bases of Synergetics”, Koptsik V.A. (ed.) *Synergetic Paradigm: Nonlinear Thinking in Science and Art*. Progress-Tradition, Moscow (in Russian).

Budanov, Vladimir G. (2015) “Transdisciplinary Discourses of Post-non-classics: Cognition, Communication, Self-organization in the Anthroposphere”, Bazhanov V., Scholz R.V. (eds.) *Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects*, Navigator, Moscow, pp. 145–159 (in Russian).

Bykhovskaya, Irina M. (2020) “Sport in the Modern World: Sociocultural Analysis and Social Practice”. *Culturology: Fundamental Bases of Applied Research*. Smysl, Moscow (in Russian).

Gorshkov, Mikhail K. (2005) “Dynamics of Mass Consciousness in the Context of Social Transformation”. *Monitoring of Public Opinion*, Vol. 3 (75) (2005), pp. 16–23 (in Russian).

Kurdyumov, Sergey P., Knyazeva, Elena N. (2002) “Synergetics as a Methodological Basis of Futurology”. *Synergetic Paradigm: Nonlinear Thinking in Science and Art*, Progress-Tradition, Moscow (in Russian).

Ogurtsov, Alexander P. “Communicative Approach to the Phenomena of Meaning”, Bazhanov V., Scholz R.V. (eds.) *Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects*, Navigator, Moscow, pp. 94–108 (in Russian).

Pruzhinin, Boris I. (2015) “Transdisciplinarity in the Context of Dichotomy of Applied and Fundamental in Science”, Bazhanov V., Scholz R.V. (eds.) *Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects*, Navigator, Moscow, pp. 252–262 (in Russian).

Toshchenko, Jean T. (2011) *Centaur-Problem (Essay on Philosophical and Sociological Analysis)*. Chronograph, Moscow (in Russian).

Veber Alexander B. (2015) “Masses and Power: Mass Consciousness and Political System in Russia”, *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 1 (12) (2015), pp. 60–78 (in Russian).

Zlotnikova, Tatiana S., ed. (2018) *Text and Context of Mass Culture: the Russian Discourse*, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl (in Russian).

Zlotnikova, Tatiana S., ed. (2016) *Mass Culture: Russian Discourse (Study Methodology, Actual Practice)*, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl (in Russian).

Сведения об авторе

ЗЛОТНИКОВА Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии, научный руководитель Национального исследовательского центра Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Author's information

ZLOTNIKOVA Tatiana S. – DSc in Art Studies, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor at the Department of Cultural Studies, Research Supervisor of the National Research Center, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University.